

ЯНА САКОВСКАЯ
ЛИСТЬЯ ДЕРЕВА КООРХИ

16+

Яна Саковская

Листья дерева коорхи

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Саковская Я.

Листья дерева коорхи / Я. Саковская — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

История о том, как давным-давно, множество жизней назад встретились Амрис и Кан-Гиор, о том, почему Амрис на протяжении долгого времени не любил своё настоящее имя, и о том, что любую, даже самую старую боль можно отпустить и восстановить на её месте поток любви. Девятый рассказ из серии.

«Да ладно», – тарашусь я на него, сидящего в кресле для посетителей.

Он усмехается и кивает с достоинством.

«Представь себе».

«Что же должно было произойти, чтобы ты решил обратиться ко мне?»

Амрис задумывается. Достает трубку, вертит её между пальцами. Щурясь, рассматривает открывающийся из нашего окна вид.

«Я чувствую себя на пороге нового этапа развития. Точнее», – смеётся он. – «Я вижу, что я уже скоро окажусь на другом этапе развития, на новом уровне расширения, сознания своей силы, и я волнуюсь и предвкушаю его».

Замолкает. Курит.

«Ладно. Поздравляю тебя с грядущим новым этапом развития. Я тут причём?»

Он щурится, глядя то на меня, то рассматривая образ себя в недалёком будущем.

«Я предчувствую, что мой путь в новое состояние идёт через разбор какой-то старой истории, в которую я в одиночку не хочу смотреть».

«Так. И?» – начинаю смеяться. Амрис усмехается и одновременно чутко прислушивается к себе. Теперь я тоже вижу тот шаг, который он планирует сделать. Ого.

«Я прошу тебя побыть своей силой со мной, пока я это смотрю».

Я прислушиваюсь к его состоянию. Он трепещет и слышит звук своего будущего торжества, боится и тянется в нежности к новому образу себя и грядущему состоянию. И я вижу общий образ нового состояния, и мне становится интересно.

«Да, я хочу и готов быть свидетелем твоего перехода. Ты только скажи, какой в него заход».

Амрис посылает мне образ поцелуя и рассматривает, что в себе он трансформирует для перехода. Любуюсь им и жду.

«В своих больших проектах – типа бизнес-империй, которые тебя так веселят, – я часто действую с искажением. Кроме того, что я делаю, что люблю и в чём чувствую интерес, я часто начинаю доказывать, что я не хуже, часто принимаюсь пробиваться наверх с главной целью просто быть там, где за меня никто не может решать. Или вырываюсь из структуры – с той же целью. И я чувствую, что это старая и большая история. Может быть, самая устойчивая и большая в моей жизни. Через неё я ухожу в штопор к потере себя, депрессии и смерти...»

Просматривает разные эпизоды своей биографии, в которых ему это искажение знакомо, показывает мне общие образы. Да, я понял, о чём он говорит.

«Ладно, а откуда тебе известен этот образ действия – всё время доказывать, что ты не хуже, и бежать наверх или наружу?»

Амрис прислушивается к себе. Я вместе с ним тянусь вниманием по ниточке, связывающей это чувство с исходной ситуацией, и мы одновременно видим образ.

...Спиной к белому стволу дерева коорхи сидит юноша в белом костюме и бирюзовой шапочке, с блестяще-белыми волосами и яркими бирюзовыми глазами. С книгой в руках. Вокруг – опавшие листья глубокого фиолетового цвета. Последний день лета...

Амрис смеётся, мол, как же иначе, а я смотрю в этот образ и пытаюсь уложить в своей голове, что самая устойчивая большая схема в жизни Амриса начинается со встречи со мной. Самой первой встречи.

Кстати, у меня к ней тоже есть вопросы. Мы ведь никогда не смотрели её. Я до сих пор не знаю его версию событий.

Он слышит меня.

«Посмотрим? И подгрузи ещё свой архив, чтобы мы наконец поняли, что там у каждого произошло, что у нас – ничего не получилось».

Я медлю. Чем больше внимания я даю этой истории, тем сильнее ноет старая обида. Для меня эта история тоже была судьбоносной.

Было бы странно иначе.

А ещё – подкрадывается страх.

«Амрис».

«М?» – он готов нырнуть в воспоминания, и ему требуется мгновение, чтобы понять, что со мной что-то не так. Отставляет образ воспоминания и всматривается в меня.

Сжимаю кулаки и стараюсь успокоиться под его взглядом.

«Что?»

Очень страшно. Дрожу, пытаюсь справиться со страхом.

«Кан-Гиор, приём».

Выдавливая из себя улыбку. Как же хорошо, что мы запомнили, как быть друг с другом, когда что-то идёт не так...

«Приём происходит», – выговариваю я. Становится полегче. Амрис кивает, не сводя с меня глаз.

«Просто озвучь, чего ты боишься. Пожалуйста».

Просто озвучить.

Ладно.

«Я боюсь, что наши отношения могут закончиться, если мы расправим историю, в которой мы впервые встретились и с которой всё началось».

Слышу его мрачную досаду. Жмурюсь, чувствую себя, как под ледяным душем. Он молчит, быстро думает – я не вглядываюсь, – и время мучительно тянется.

Наконец он готов ответить.

«Я думаю, что больше всего толку будет, если не я буду приводить контраргументы, а ты сам их найдёшь», – изрекает он, и он прав.

Выдыхаю, перехожу из страха в спокойное созерцательное состояние и смотрю со стороны на то, что я сказал.

«Я боюсь, что наши отношения могут закончиться, если мы расправим историю, в которой мы впервые встретились и с которой всё началось».

Подумай, Кан-Гиор. Почему это на самом деле не страшно? Амрис, похоже, довольно быстро сообразил, значит, это не сложная задача.

А.

Ну да.

Даже смешно.

Амрис, предчувствуя мой ответ, кивает и улыбается, но мне важно проговорить это.

«Мы просто уберём боль, которая всё ещё есть в наших отношениях, рядом с их основанием. Основанием было, конечно же, “я чувствую симпатию к тебе, я хочу узнать тебя, я хочу попробовать идти вместе и посмотреть, что из этого получится”, но я был молод и обидчив и принимал на боли выразительные решения».

Амрис смеётся. Меня стремительно отпускает.

«Если убрать боль, то останется наш взаимный интерес друг к другу. Пространство отношений будет свободным от боли, свободным для любви».

«Да, я тоже хочу продолжать», – усмехается Амрис. – «Так что давать смотреть кино».

Он подтягивает образы воспоминаний, я вытаскиваю из своих архивов соответствующие. И мы смотрим кино.

***

– Пока не решил, на какую кафедру пойдёшь? – спросила Кант-Ийра, ставя перед сыном корзинку со свежеспечёнными малюсенькими пышками. Могла и не спрашивать. Если бы Кан-Гиор сделал выбор, его волосы начали бы накапливать новый пигмент, а так со дня, когда

Кан-Гиор вспомнил своё имя, начал вспоминать себя и задумался о профессиональном пути, чуть меньше лунного месяца назад, они оставались блестяще-белыми.

Кан-Гиор внимательно осмотрел корзинку с пышками, выбрал одну и повёл плечами в ответ на вопрос матери.

– Я бы на твоём месте пошла на прикладную физику. Конечно, с карриотами работать – то ещё удовольствие, но работа у тебя всегда будет, и интересные проекты тоже могут встретиться. А «Теоретическая физика и философия»... Ну, будешь ты писать трактаты о времени и пространстве...

– О звёздах, – поправил Кан-Гиор.

– Да хоть о вакууме! Но что кроме этого? Преподавать в Высшей Школе? И всё?

Кан-Гиор задумчиво жевал пышку, смотрел в окно поверх плеча матери на ясное утро последнего дня лета и не отвечал.

Ийре было легко говорить. Её работа заключалась в уходе за растительными массивами в городских экосистемах, и она общалась в основном с растениями, а с представителями касты управленцев и военных пересекалась крайне редко, только если возникали какие-то проблемы. Ей бы, наоборот, хотелось больше межкастового взаимодействия, и она подала заявку на заочное обучение проектированию экосистем. Занятия должны были начаться завтра, как у сына, только о своём обучении Ийра сыну пока не говорила.

– Сегодня решу, – Кан-Гиор встал из-за стола. – Благодарю за завтрак. Погуляю, к вечеру вернусь.

– Пышки тебе в корзину положу, – Ийра завернула несколько пышек в полотенце и положила в корзину, в которой уже лежали термос, свёрнутое покрывало, книга, тетрадь и письменные принадлежности. Кан-Гиор подхватил корзину, поклонился матери и ушёл.

– Народ, а можно потише?

Амрис обернулся.

Спиной к белому стволу дерева коорхи, листья которого, как обычно в конце лета, сменили цвет с белоснежного на глубокий фиолетовый и уже начали опадать, создавая вокруг дерева фиолетовый ковёр, сидел юноша с книгой в руках. В обычной одежде гейлиров – белом костюме и бирюзовой шапочке. С недовольным выражением на лице.

«А, только вспомнил себя и ещё не определился», – понял Амрис, скользнув взглядом по белым волосам юноши, но тут встретился с взглядом пронзительных бирюзовых глаз. – «Ого, гейлир до мозга костей. Редкая птица».

– Я разберусь, – бросил он через плечо своей группе и направился к дереву.

За его спиной продолжилось совещание.

Последний день лета – день решающего состязания слушателей подготовительного курса Высокой школы Стратегов. С выхода второй луны до захода солнца – Игра. Организовать разведку, сотрудничать со стороной противника (второй группой однокурсников), чтобы обменяться подсказками, затем противостоять противнику и найти Клад.

Амрис как староста группы получил ранним утром конверт с координатами центра игрового поля – дерево коорхи неподалёку от жилых кварталов гейлиров – и величиной радиуса поля и собрал группу для разведки местности и совещания.

В группе как раз происходило горячее обсуждение тактики разведки, когда от дерева послышался голос сидевшего там юноши-гейлира. Они даже не заметили, когда он пришёл. Или они не заметили его, когда сами пришли?

– Я не против того, чтобы вы проводили своё обсуждение, однако прошу вас делать это тише. Я читаю, – с достоинством пояснил юноша, когда Амрис приблизился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.